

Дорога, ведущая к храму, как культурно-смысловой паттерн в иеротопии русских городов

Д. Е. Крапчунов

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого,
Великий Новгород, Российская Федерация
krapchunovd@mail.ru

Е. В. Гилл

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого,
Великий Новгород, Российская Федерация
novsu.maximova@mail.ru

Для цитирования:

Крапчунов Д. Е., Гилл Е. В. Дорога, ведущая к храму, как культурно-смысловой паттерн в иеротопии русских городов // Визуальная теология. 2025. Т. 7. № 2. С. 312–328. <https://doi.org/10.34680/vistheo-2025-7-2-312-328>

Анотация. Многие российские города сегодня имеют историю в несколько столетий или даже больше тысячи лет, как, например, Великий Новгород. Современная архитектура и устройство городов наследуют Средневековью, когда градостроительство было прямым следствием этноконфессиональной идентичности. Как современник может прочитать город, «написанный» много поколений назад? Для понимания и осмысления паттернов или аналогичных видов городской среды можно применить библейские тематические ключи. Так, в русском городе можно обнаружить храм и дорогу, ведущую к нему, как устойчивую доминанту, присутствующую как в исторических, так и в современных городских пространствах. «Дорога, ведущая к храму», – смысловая доминанта, основа синтаксического каркаса, городской «текстуры» синхронного и диахронного характера русского города как наследника русской традиционной, а значит, христианской идентичности и порождённой ею культуры. Дорога к храму являет суть православной сотериологии – обожения. Храм прочитывается как Христос, но и дорога к храму – также Христос. Формула спасения: во Христе, Христом, вслед Христу и со Христом. При этом дорога, ведущая к храму, стала устойчивой формулой, проявляющейся в произведениях искусства XIX–XXI вв.: в литературе, живописи, кино. В этих формах современное искусство опирается на наследие Российской империи и древней Руси, продолжая их традиции. Можно говорить о наследовании современниками особого символического восприятия окружающего мира, свойственного языку притч Священного Писания христиан, мистерийности Предания. То, что в средневековом градостроительстве передавалось через символы и прочитывалось через библейские тематические ключи, по мере секуляризации артикулируется открыто, без священной

тайны: «Зачем нужна дорога, если она не ведёт к храму», как это было сформулировано в фильме Тенгиза Абуладзе «Покаяние».

Ключевые слова: иеротопия, Великий Новгород, библейские тематические ключи, храм, дорога, путь, русская культура, сотериология, символ, город, христианство.

Road to the temple as a cultural and semantic pattern in the hierotopy of Russian cities

Daniil E. Krapchunov

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russian Federation
krapchunovd@mail.ru

Elena V. Gill

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russian Federation
novsu.maximova@mail.ru

For citation:

Krapchunov D. E., Gill E. V. Road to the temple as a cultural and semantic pattern in the hierotopy of Russian cities. *Journal of Visual Theology*. 2025. Vol. 7. 2. Pp. 312–328. <https://doi.org/10.34680/vistheo-2025-7-2-312-328>

Abstract. Many Russian cities have a history of several centuries or even more than a thousand years, like Veliky Novgorod. Modern architecture and urban design are inherited from the Middle Ages, when urban planning was a direct consequence of ethnic and religious identity. How can a modern person “read” a city that was created many generations ago? Biblical thematic keys can be used to understand and comprehend patterns or similar types of urban environments. Thus, in a Russian city, one can find a temple and the road leading to it as a stable dominant presented in both historical and modern urban spaces. The Russians believe that “The road leading to the temple” is the semantic dominant, the basis of the syntactic framework, the urban “texture” of the synchronous and diachronic character of the Russian city, the heir of Russian traditional, and therefore Christian identity. The road to the temple is the essence of Orthodox soteriology – deification. The temple is understood as Christ, but the road to the temple is also Christ. The formula of salvation is in Christ, through Christ, after Christ, and with Christ. At the same time, the road leading to the temple has become a stable formula, manifested in works of art of the 19th – 21st centuries: literature, painting, cinema, created in the Soviet and post-Soviet space, which inherited the Russian Empire, Old Russia. The modern Russia has the inheritance of a special symbolic perception of the surrounding world, referred to the language of the parables of the Christian Holy Scripture, the mystery of spiritual tradition in various forms. What was conveyed through symbols and understood through biblical thematic keys in medieval urban planning, started being articulated openly, without sacred secrecy, as secularization progressed: “Why do we need a road if it does not lead to the temple”, as it was formulated in T. Abuladze’s film “Repentance”.

Keywords: hierotopy, Veliky Novgorod, Biblical thematic keys, temple, road, path, Russian culture, soteriology, symbol, city, Christianity.

В условиях глобализации и мировой интеграции, обратной стороной которых является столкновение цивилизаций [Хантингтон 1993], актуальным становится преодоление кризиса идентичности через познание себя, поиск и получение ответа на вопрос, кто мы и что нас делает нами [Хантингтон 2004; Федотова 2024, 369]. С учётом довольно высокого уровня урбанизации и городского мышления, присущих в том числе сельскому населению, одним из инструментов этого поиска себя может быть семиотическое прочтение современных российских городов, выявление их визуальной разметки [Аванесов 2016 а, 15], определение визуальных паттернов или «аналогичных видов» городской среды [Аванесов 2023, 17–18; Федотова 2024, 369], отражающих или определяющих российскую локальную и национально-культурную идентичность.

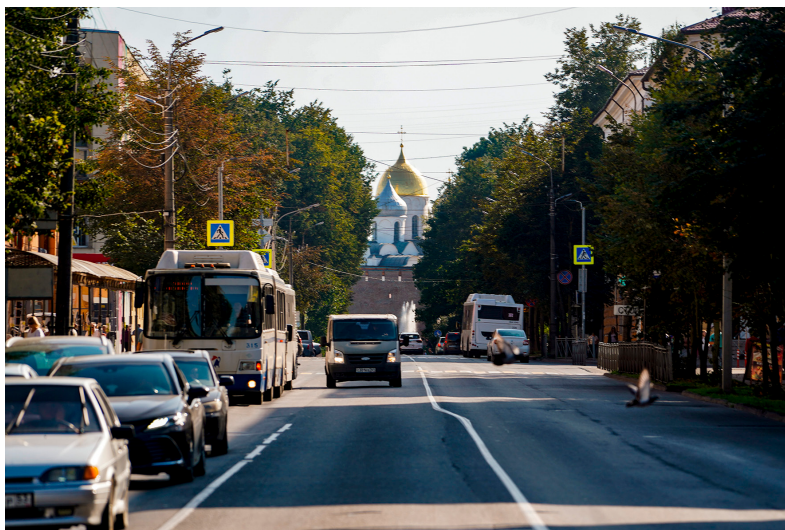
С одной стороны, город «удерживает свою внутреннюю целостность за счёт сохранения синтаксического каркаса» [Аванесов 2023, 15]; с другой стороны, этот каркас продолжает и воспроизводит исторические формы национальной (гражданской) идентичности государствообразующего этноса. Эта устойчивость фиксируется и воспроизводится в «городских видах», которые призваны по возможности презентовать город как таковой, в его собственной идентичности [Аванесов 2024, 7].

Несмотря на то, что городской вид «представляет определённый город и призван фиксировать и транслировать его индивидуальные черты» [Аванесов 2024, 8], можно и нужно выявлять виды или паттерны современных российских городов, которые отражают общую российскую идентичность, воспроизводят слагаемые российской идентичности [Федотова 2024, 370], подобно тем, что рассматривает Хантингтон, изучая американское кредо [Huntington 2004]. «В основании планировки городского обитаемого пространства лежат ключевые мировоззренческие (сакральные) архетипы, находящие своё выражение в визуальных формах структурирования жизненной среды» [Аванесов 2016 б, 71], являющиеся локальной адаптацией глобального опыта российской культуры, генезиса её форм и моделей пространственной организации обитаемого пространства, отражением отечественной культурной традиции и историко-культурной идентичности, культурного (универсального) мировоззренческого кода отечественной цивилизации [Аванесов 2016 б, 73]. При этом нет никаких сомнений, что не только американская культура с её англо-протестантской идентичностью, определённой Хантингтоном в качестве христианской [Хантингтон 2004], являет христианскую аксиологию, но и современная городская среда России эксплицирует аксиологическую структуру христианской сoteriологии.

Актором визуально-семиотического прочтения городского текста становится современный горожанин, благодаря владению устойчивыми архетипическими текстами своего культурного кода воспринимающий окружающую его городскую действительность, соединяющую прошлое и настоящее в моменте считывания паттернов. Как Хантингтон в размышлениях об американской идентичности говорит о своём совмещении позиции исследователя и патриота, так авторы дан-

ного исследования декларируют включённое рефлексивное наблюдение современного Великого Новгорода в его паттернах и соотнесение их с восприятием других российских городов. С одной стороны, авторы улавливают некоторые визуальные константы, повторяющиеся в пространстве современного Новгорода, и соотносят их устойчивость с наличием подобных констант в других городах России. С другой стороны, авторы являются носителями российского культурного кода; соответственно, сам факт считывания отсылает к узнаванию архетипических форм. Опираясь на дискурс исследователя и знание специфики традиционного мировосприятия, в котором визуальный текст не отрицается, а скорее взаимообуславливается текстом словесным [Мусин 2009, 20], авторы подкрепляют субъективное восприятие устойчивыми релевантными текстами, в первую очередь – авторитетными, самыми значимыми из которых будут книги Священного Писания.

Софийский собор – главный храм Великого Новгорода и региона – является, по мнению новгородцев, символом самого города [Федотова 2024, 372–373]. К древнейшему русскому храму на территории современной России «ведёт» главная улица Софийской стороны, названной по имени собора, – Большая Санкт-Петербургская. За несколько километров до Детинца она своей осью выходит на собор, который является безусловной доминантой её перспективы (ил. 1).

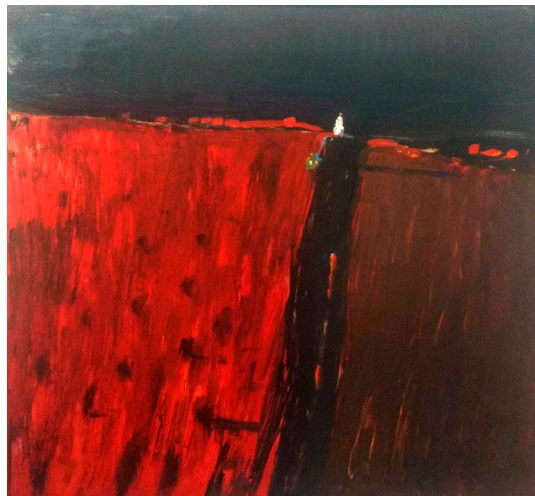
Ил. 1. Великий Новгород. Улица Большая Санкт-Петербургская

Фото: Дарья Гусева, 2024

Так в пространственном устройстве современного (одновременно и исторического) Великого Новгорода, как и в устройстве любого другого исторического города христианской культуры, реализована идея, выраженная финальной фразой фильма «Покаяние» режиссёра Тенгиза Абуладзе (1984): «К чему дорога, если она не приводит к храму». Этот фильм – продукт христианской цивилизации;

он транслирует общехристианский принцип устройства космоса, частью которого является город. Город – продукт грехопадения (Быт 4:17), но преображённый человек даёт возможность преображения падшей природы города. Город, сердцем которого является храм, принимает в себя Христа и через это преображается. Дорога, ведущая к храму – элемент культурного кода христианства, в котором Сам Христос является храмом (Мк 14:58; Ин 2:19–22). Так дорога к храму становится дорогой ко Христу, выражением христоцентричности сотериологии. Направленность ума ко Христу, визуализируемая как путь к храму, становится предметом осмысления и многократной репрезентации в искусстве и архитектуре, а фильм «Покаяние» лишь акцентированно вербализовал этот ключ христианского прочтения пространства средствами кинематографа.

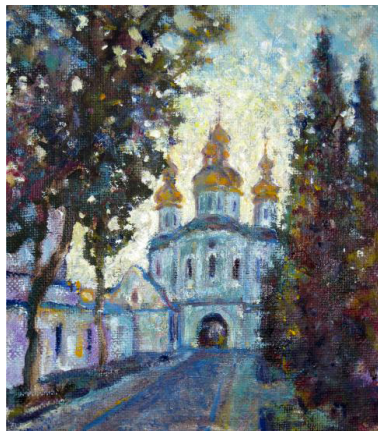
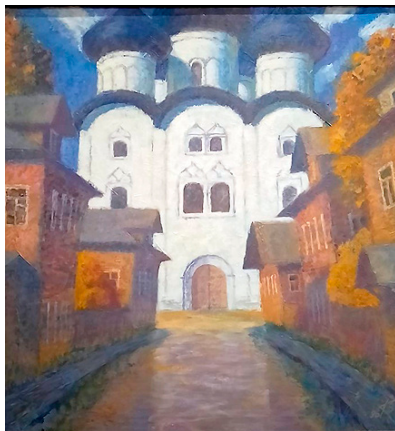
На картине «Прохоровское поле» (2021) художника-священника Алексея Комова из Орла, пишущего именно на религиозные темы, отчётливо угадывается дорога к храму, отделяющая свет от тьмы (ил. 2).

Ил. 2. Алексей Комов. Прохоровское поле. 2021

Аналогичные дороги к храму в качестве устойчивого сюжета встречаются в работах современных художников с Украины (например, Леси Корж), из Беларуси (например, Георгия Танковича), многих отечественных живописцев XX–XXI веков: Вячеслава Короленкова, Василия и Сергея Курицыных, Евгения Чивикова (ил. 3–5), фотографов Ильи Бесхлебного, Сергея Аванесова (ил. 6–7) и других.

Улицы древнейшего русского города, города-иконы – Великого Новгорода – часто ведут к храму. Многие из этих улиц известны по летописям и грамотам со времён древнерусской государственности, и большинство из них исторически ведут к Детинцу, его башням-вратам с их надвратными храмами. Это обычно и естественно, если вспомнить, что христианские средневековые города, каковым является Новгород, репрезентуют храмоцентричность мира [Аванесов 2016 б; Мусин 2009; Лебедев 1995]. Однако не меньше новгородских улиц ведут к храмам, расположенным вне Детинца (ил. 8).

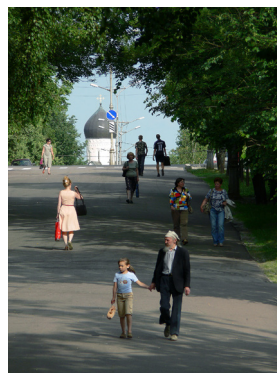
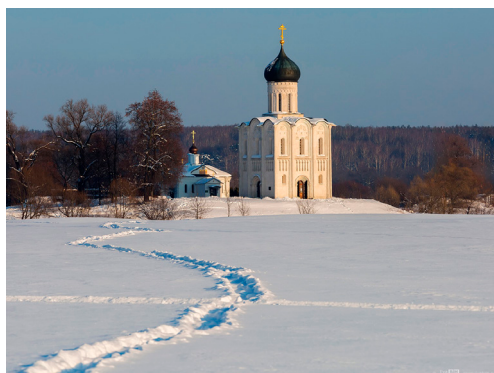

Ил. 3. Василий Курицын. Каргополь. 1996 (слева)

Ил. 4. Леся Корж. Киево-Печерская лавра. Церковь Всех Святых. 2013 (справа)

Ил. 5. Евгений Чивиков. Каргополь. 1991

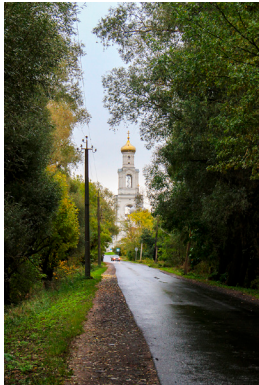
Ил. 6. Путь к храму. Фото: Илья Бесхлебный, 2018 (слева)

Ил. 7. Новгород. Спас на Ильине. Фото: Сергей Аванесов, 2006 (справа)

Ил. 8. Великий Новгород. Улица Павла Левитта, храм Успения в Колмове
Фото: Дарья Гусева, 2024 (слева)

Ил. 9. Великий Новгород. Колмовская набережная, храмы Зверина монастыря
Фото: Дарья Гусева, 2024 (справа)

Ил. 10. Великий Новгород. Юрьевское шоссе. Колокольня Юрьева монастыря
Фото: Дарья Гусева, 2024 (слева)

Ил. 11. Елец. Улица Коммунаров. Вознесенский собор
Фото: Даниил Крапчунов, 2024 (справа)

Это отражение древней планировки, организации устройства города, сформировавшейся в процессе христианизации новгородцев, чей город формировался и преображался вместе с преображением жителей из «некогда не народа в народ Божий», согласно «Слову о Законе и Благодати» митрополита Илариона, цитировавшего апостола Петра (1 Пет 2:10). Если для анализа текста «Слова о Законе и Благодати» можно применить библейские тематические ключи, предлагаемые к использованию для анализа системы и структур православно-славянского

литературного наследия выдающимся славистом Р. Пиккио [Пиккио 2003], то почему эти ключи не могут быть инструментом к прочтению архитектурно-пространственного устройства русских городов?

Первый новгородский храм находился в Неревском конце и мог не быть связанным с какой-то конкретной улицей [Гордиенко 2018, 19–21; Янин 1983, 17], но уже два следующих храма, появившихся как результат крещения Новгорода, – Иоакимовский и деревянный собор Святой Софии – были связаны единой епископской улицей, став её началом и концом. Таким образом, эта улица вела либо к Святой Софии, либо, в своей обратной перспективе, к епископскому храму Иоакима и Анны [ПСРЛ 1994, 46]. К той же деревянной Софии о тринадцати верхах и построенному затем на её месте собору Бориса и Глеба вела также Прусская улица.

Христоцентричность мира, выраженная в устройстве и восприятии Великого Новгорода горожанами, явилась основой традиции, согласно которой у каждой улицы был свой уличанский храм, у каждого из пяти концов был свой кончанский собор и всё городское устройство было семисоборным [Янин 1976]. Но даже спустя века, несмотря на опустошение шведами, организацию регулярной городской застройки XVIII–XIX вв., практически полный разгром города в Великую Отечественную войну, новую послевоенную застройку, новгородские улицы по-прежнему ведут к храму. Сегодня улица Михайлова в перспективе ведёт к колокольне храма св. Федора Стратилата на Ручью, Знаменская – к Знаменскому собору, Ильина с двух своих концов – к храму Спаса Преображения, стоящему посреди неё. Улица Даньславля в перспективе имеет храм Бориса и Глеба в Плотниках, хотя и стоящий за рекой; современная Колмовская Набережная «ведёт» к храму Успения в Колмово, а обратной перспективой – к храму Симеона Богоприимца и Покровским соборам Зверина монастыря (ил. 9); ул. Десятинная в перспективе ведёт к храму Двенадцати Апостолов на Пропастях. Даже католический костёл апостолов Петра и Павла в какой-то момент является сегодня перспективой улицы Предтеченской.

Интересным представляется планировка Юрьевского шоссе, которое на выезде из города имеет в перспективе храм Благовещения в Аркажах, а идя из Поозерья в город, в перспективе «упирается» в Георгиевский собор Юрьева монастыря. Сама дорога закольцована по кругу, а на пути из Поозерья делает изгиб, формально подходит к монастырю совсем с другой стороны, но в какой-то момент в дальней перспективе ведёт именно «к храму». Обратная перспектива Юрьевского шоссе от монастыря в город упирается в колокольню Юрьева монастыря (ил. 10). К ней же «ведут» ещё две улицы города: Орловская и Озёрная. Они расположены в разных районах города, но в перспективе, когда едешь по ним, видишь перед собой монастырскую колокольню, которая как бы завершает, венчает эти дороги. Перечисленные и многие другие улицы, дороги Великого Новгорода возникли и проектировались в разное время, десятилетия и даже столетия, поэтому вряд ли все эти храмы как визуальная доминанта их перспективы могли быть осознанно вписаны градостроителями. Получается, что в случае с историческими, древними храмами Великого Новгорода, к ним ведут как столь же древние улицы, так и те, что проектировались в последние несколько десятилетий и даже лет.

Эта пространственная композиция – не исключительно новгородское явление, его можно наблюдать во многих городах России. Из бесчисленного мно-

жества таких композиций в городах России, Украины, Беларуси, всего христианского мира примером могут быть улицы Благовещенская в Вологде, ведущая к Софийскому собору; Пестеля, Таврическая, Кваренги в историческом Санкт-Петербурге или относительно новый проспект Юрия Гагарина в той же Северной столице, перспективой которого являются храмы Рождества Христова и Сергия Радонежского; проспект Мира в Кемерово; Ильинская улица в Архангельске, ведущая от Ленинградского проспекта к одноимённому собору; набережная Северной Двины там же и перпендикулярная ей улица Выучейского, которые ведут к кафедральному собору в честь Михаила Архангела; улица Туннельная в Черняховске, ведущая к кафедральному собору Михаила Архангела; улица Главная в Прокопьевске, которая на определённом отрезке по пути в центр города ведёт к тезоименитому Прокопьевскому храму. В Ельце ул. Коммунаров ведёт прямо к Вознесенскому собору (ил. 11), а ул. Шевченко имеет перспективой Введенскую церковь; к этому же храму при въезде в город ведёт Аргамачская улица, при этом храм является только её визуальной перспективой, так как сам путь при этом извилист и меняет направление несколько раз.

Новый собор в Архангельске появился относительно недавно, место его строительства несколько раз менялось; одна из улиц, ведущих сегодня к нему, сформировалась очень давно, а вторая застраивалась буквально в последние годы. В то же время шоссе по улице Главная в Прокопьевске повторяет путь старинного (дореволюционного) Кузнецкого тракта, а храм, который стоит в перспективе на одном из отрезков улицы, был перестроен из горняцкого Дома культуры шахты Красный Углекоп, возведённого в пятидесятые годы двадцатого столетия, и освящён лишь в 1993 году. Таким образом, ни по задумке проектировщиков тракта, ни в планах строителей клуба не было намерения видеть храм перспективой дороги.

Сама формула «зачем нужна дорога, которая не ведёт к храму?» рождена православной культурой общехристианской цивилизации на исходе советской эпохи и усвоена как часть мировоззрения и христианской идентичности православной ойкумены постсоветского пространства. В преданиях об истории упомянутого храма великомученика Прокопия есть рассказ о том, как в начале нулевых годов двадцать первого века архиепископ Кемеровский и Новокузнецкий Софроний (Будько) возвращался из Новокузнецка и, увидев на своем пути сверкающие на солнце купола, будучи впечатлён увиденным, немедленно решил узнать, что за храм здесь появился, предположив, что видит результат католического прозелитизма. Таким образом архиерей в первый раз навещил один из храмов своей епархии, освящённый его предшественником.

Общность визуального восприятия христианами сакрального в окружающем их пространстве, основанная на общности Предания и преданий, характерна для живущих не только в разных частях христианской ойкумены, но и в разные периоды христианской истории. В этом смысле носители христианской идентичности являются носителями средневекового и даже античного сознания, «Долгого Средневековья» Жака Ле Гоффа, передаваемого в живой традиции Предания. Современные христиане считают своим восприятие времён ранней и средневековой Церкви. В 1917 году, по воспоминаниям митрополита Евлогия (Георгиевского), участники Поместного Собора «поняли, что в реальности значат слова “Днесь благодать Святаго Духа нас собра”», ощутив, что «уже не было прежних несогласных

между собой и чуждых друг другу членов Собора, а были святые, праведные люди, овеянные Духом Святым, готовые исполнять Его веления» [Евлогий 1994, 282–283]. И в этом описании есть не только ощущение, но и видение, передаваемое из поколения в поколение, видение, которое связано с жизнью Церкви.

Об этой преемственности узнавания образов, о языке символов, раскрывающих и скрывающих тайну богоспасения говорит А. С. Уваров, ведя её от книг Ветхого и Нового Заветов, изобилующих сравнениями и символизмом [Уваров 1999, 611], от языка притч, которыми Христос говорил с апостолами, скрывая тайну от непосвящённых, через эпоху гонений, когда раскрытие веры сулило физическую расправу, и вплоть до символизма эпохи распространения христианства и массового обращения язычников, когда этот символичный язык был понятен только верным [Уваров 1908, 3–8]. Визуальные символы всех названных периодов христианской истории были и есть не только и не столько способом декларации христианской идентичности, узнавания своих среди прочих, но также являлись инструментом богопознания, имеющего апофатическую природу. Они зачастую отсылали к неизреченному, к тому, что ограничивается словами, но возвышает ум многозначностью, многослойностью смысла и разными уровнями символа.

Основой символических образов христианского культурного кода А. С. Уваров называет евангельские сюжеты, сочинения святых отцов ранней Церкви и богослужебные, в первую очередь литургические, тексты. Более того, Уваров настаивает на том, что Русь приняла символический язык Церкви через Византию и скандинавские страны, а образы этого языка имели общую, всенародную ясность, «были достоянием всех и не были исключительной собственностью малого, избранного числа людей, как стол и города России» [Уваров 1999, 608]. Однако для правильного понимания, прочтения этих образов необходимо не только знать тексты, лежащие в основании этого символического языка, но и быть «погружённым» в предмет, который они являют [Бетти 1999]. В противном случае реципиент или исследователь производит неверное прочтение образов и приходит к ошибочным выводам.

В качестве примеров непогружённости, непричастности Преданию исследователей, весьма авторитетных и искренне увлечённых предметом своего научного интереса, можно назвать американского историка Д. Х. Биллингтона и советского академика Б. А. Рыбакова. Оба примера связаны с прочтением и интерпретацией христианского символизма в образах городского пространства Великого Новгорода.

Джеймс Хедли Биллингтон, крупнейший западный исследователь России, в работе «Икона и топор» обращает свой взор на городские традиции Великого Новгорода периода присоединения к Москве. Он совершенно безосновательно утверждает, что в 1470-х гг. Новгород пользовался германской денежной системой, увязывая это с неуклонным ростом грамотности землевладельцев, достигшей 80% и проявлявшейся в использовании берестяных грамот для торговых записей [Биллингтон 2001, 69–70]. Сложно представить, на основании каких источников американский историк смог так точно вычислить долю грамотного населения среди определённых слоёв горожан и определить увеличение использования берестяных грамот в торговле в период, археологический слой которого лишён

необходимой влажности, а потому грамоты, если они и были, не сохранялись, попадая в него.

Очевидно, что следующий тезис исследователя однозначно свидетельствует о его непогружённости в предмет и незнании им иеротопии, сформированной историей христианизации Новгорода. Именно к визуальным символам исторического и современного Новгорода обращается автор, стремясь расшифровать символичный язык города.

«Господин Великий Новгород», как он назывался, был «отцом», как Киев – «матерью городов русских». Мирное сосуществование восточной и западной культур в пределах этого гордого и богатого города овеществлялось в одном из наиболее известных и внушительных сооружений: бронзовых двойных воротах собора Святой Софии работы XII века. Одна их створка была византийского происхождения, другая – из Магдебурга; одна – из сердца Восточной империи, вторая – из северогерманского города, который позаимствовал модель городского самоуправления у Западной империи [Биллингтон 2001, 69].

Очевидно, автором имеются в виду Магдебургские ворота, и сегодня украшающие западный вход в самый древний храм России. Обе створки этих врат изготовлены в Магдебурге в указанном Биллингтоном столетии. Византийская же створка его концепции является фантомом, появившимся в связи с тем фактом, что до установки описываемых ворот прихожане при входе в собор видели Корсунские ворота. Этот памятник византийской культуры стал для новгородцев символом трансфера православия из Корсуни в Новгород, символом преемственности веры Русью от Византии. Сама паперть и сегодня называется Корсунской. По преданию, ворота были привезены князем Ярославом Мудрым в качестве дара на освящение собора. Ворота же стали образом, свидетельством веры, добытой новгородцами в Корсунском походе, ставшем началом христианского Новгорода.

В таком прочтении свидетельством, явленным визуальным образом христианской идентичности новгородцев был сам Софийский собор как памятник крещению новгородцев [Рапов 1988]. Магдебургские же ворота к византийской традиции формально не имеют отношения, кроме того, что заняли место Корсунских, привезённых из византийского Херсонеса. Так два разных по месту и времени изготовления памятника слились в концепции американца в один. Византийским же следом на Магдебургских воротах можно считать разве лишь дублирование латинских надписей на церковно-славянском языке, а также появление образа мастера, осуществившего это дублирование и установку врат в портал главного собора Великого Новгорода. Размещая первый «автопортрет» новгородца на воротах, мастер Авраам изобразил большой крест у себя на груди, который явственно свидетельствует о декларации им своей христианской идентичности как одного из жителей города.

Другой признанный историк, Б. А. Рыбаков, изучавший религию славян и Руси, не мог пройти мимо многочисленных крестов, дошедших до нас через столетия и сегодня представленных в коллекциях Новгородского музея-заповедника и на стенах новгородских храмов. Кресты как главный христианский символ, безусловно, являются выражением христианской идентичности тех, кто их устанавливал, обозначая, подобно армянским хачкарам, границы своего мира, воплощая молитву, веру, прошения и благодарность Богу. Борис Александрович среди нов-

городских каменных и деревянных крестов особое внимание уделил знаменитому Людогощенскому кресту, впечатлявшему многих исследователей.

Людогощенский крест стал сердцевиной представления академика о религиозной практике стригольников, названных им «русскими гуманистами». По его теории, еретики исповедовались перед необычным по виду, с точки зрения исследователя, крестом [Рыбаков 1993, 108, 116 и др.]. И факт того, что исповедь совершалась перед крестом, как бы буквально кресту, заставил выдающегося исследователя предположить, что эта практика была формой отрицания необходимости священника в таинстве исповеди. Сам Б. А. Рыбаков называет священника в таинстве исповеди «посредником», что в корне противоречит православной мистериологии и является общим штампом, использовавшимся антицерковной пропагандой советского периода, хотя и восходящим к католическому представлению о священстве. Подтверждение своего предположения Рыбаков видит в словах из Фроловской Псалтири XIV века «Исповедайтесь Господеви». Он утверждает, что таких слов нет в каноническом тексте Псалтири, а в названном сборнике они призывают убрать священников как посредников из таинства исповеди [Рыбаков 1993, 186, 187]. Однако эти слова из двух псалмов (Пс 117:1; Пс 135:1) не только представлены во всех текстах Псалтири на церковно-славянском языке, но также регулярно звучат во всех храмах на праздничных богослужениях вплоть до нашего времени и никого не смущают своей «антицерковностью», так как не воспринимаются носителями христианского культурного кода в значении «Исповедайтесь Господу напрямую, минуя священника».

Не вдаваясь в оценку достоверности реконструкции практики исповеди стригольников перед поклонными, обетными крестами, в большом количестве дошедшими до нас в Великом Новгороде, приведём пример сохранения традиционности восприятия окружающего пространства, зафиксированный авторами в том же городе, где стоял Людогощенский крест, в начале XXI века, в 2004 году. Одна из практикующих православных христиан рассказывала, что исповедовалась Кириллу и Мефодию. В ответ на удивление, вызванное необычной адресацией исповеди, она пояснила, что в храме св. Федора Стратилата на Щирковой улице перед аналоем, у которого происходит исповедь, на иконостасе расположена икона равноапостольных братьев, а в храме Успения в Колмово, соответственно, исповедь происходит перед образом св. Серафима Саровского. При этом, конечно, священник присутствовал, но прихожанка буквально воспринимала вербальную формулу, произносимую священником из Чина исповеди: «Се и икона Его пред нами: аз же точию свидетель есмь, да свидетельствую пред Ним вся, елика речеши мне». Это пример того, как визуальное пространство храма и соучастие прихожан в таинствах, воспринимаемые и прочитываемые в контексте погружённости в предмет *disciplina arcani* [см.: Уваров 1908], тесно связаны между собой.

С учётом всего сказанного выше возникает резонный запрос и на поиск библейских ключей, объясняющих построение, восприятие и прочтение пространственной композиции «дорога, которая ведёт к храму», артикулированной в фильме Тенгиза Абуладзе. Вообще вопрос, поставленный в фильме, можно рассматривать в качестве ответной реакции на другой советский фильм, выпущенный в 1966 году Альгимантасом Видугирисом по сценарию Виктора Шерстюкова «У каждого своя дорога».

Тема пути, дороги – ключевая для русской культуры. Сама жизнь в русской культуре прочитывается как дорога. Устойчивые выражения «земной путь», «проводить в последний путь» являются аллегорической передачей темы жизни, судьбы человека. Такое прочтение нашло апперцепцию в русском языке (пословица «жизнь прожить – не поле перейти» и фразеологизм «пройти свой жизненный путь») и в отечественной литературе как XIX, так и XX века (А. В. Кольцов, Б. Пастернак, Ю. Мориц, В. Матвеев, А. Жигулин, Б. Окуджава и др.) [см.: Мокиенко 2018, 218–223].

В современных науках о человеке – педагогике, психологии, философии, культурологии и др. – устойчивое словосочетание «жизненный путь» занимает одно из центральных мест. Если в современной психологии «жизненный путь – это последовательность жизненных событий, формирование человека как личности и субъекта деятельности в конкретном социально-историческом контексте, связанное с разными возрастными этапами», отвечающее «задаче целостного описания человека в единстве его качеств индивида, личности, субъекта деятельности и индивидуальности» [Гришина 2011], то для православной феноменологии он будет тождественен сотериологии в общечеловеческом масштабе и обожению – соединению со Христом для каждого из верующих, следование за Ним. Такое восприятие свойственно не только современникам, но и многим поколениям русских в прошлом. Это отразилось как в паремийных жанрах фольклора, так и, прежде всего, в духовных стихах, являющихся преломлением литургической жизни в крестьянской повседневности, во внехрамовом пространстве. При этом можно констатировать если и не перманентное бытование таких духовных стихов, то как минимум их принятие современниками, приведшее к популярности их исполнения в среде молодёжного фольклорного движения и православной общественности.

Пожалуй, самым популярным среди таких произведений можно считать духовный стих «Ты дороженька, ты господняя, а никто же по тебе не прохаживал». С одной стороны, начало этого стиха являет прямую парафразу библейской цитаты «непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его» (Рим 11:33). С другой стороны, библейский стих говорит о пути Господнем, по которому призвана пройти душа, потому что это путь в Рай: «А и шли же прошли всё три Ангела / А и шли ж они вели душу грешную / А чего же ты душа, мимо Рая прошла?». Иначе говоря, путь Господень «неисследим», но этим путём и призван идти человек: «Ты иди за Мною» (Ин 21:22), – говорит Христос Петру; Павел же, в свою очередь, обращается к верующим: «Подражайте мне, как я Христу» (1 Кор 4:16). Тема пути, дороги в Новом Завете звучит более 100 раз в разных контекстах; при этом дорога, путь – это Сам Христос: «Иисус сказал ему: *Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня*» (Ин 14:6). Обожение реализуется через следование Христу, предполагающее не только соединение со Христом, но и само движение к Нему, следование за Ним и с Ним. Это обожение названо в Новом Завете «путём истины», с которого можно сбиться, впадая в ересь: «Многие последуют их разврату, и через них путь истины будет в поношении» (2 Пет 2:2).

Однако визуальным паттерном, которому посвящена данная работа, является не только и не столько путь сам по себе, дорога как таковая, сколько дорога, ведущая к храму, то есть дорога и храм, соединённые в одном визуальном образе. В этом образе не только путь к храму, но и сам храм, к которому ведёт путь – это

Христос. У трёх евангелистов приведён рассказ о суде над Иисусом, в котором иудеи приводят Его слова о разрушении храма: «Он говорил: могу разрушить храм Божий и в три дня создать его» (Мф 26:61); «Он говорил: Я разрушу храм сей рукотворенный, и через три дня воздвигну другой, нерукотворенный» (Мк 14:58); «Иисус сказал им в ответ: разрушьте храм сей, и Я в три дня воздвигну его. На это сказали Иудеи: сей храм строился сорок шесть лет, и Ты в три дня воздвигнешь его? А Он говорил о храме тела Своего» (Ин 2:19–21). Обращает на себя внимание соотнесение храма как строения с самим Христом, образом Которого храм является. Тело Христа, вместившего в Себя человечество, названо «рукотворенным» храмом, то есть причастным человеческой телесности. На смену этой телесности после воскресения придёт «нерукотворенный», преображённый храм-тело.

Библейская образно-символическая языковая мена храма Иерусалимского с храмом тела Христа говорит не только о христоподобности храма в Иерусалиме, но и человекообразности храмов в православии. Как в вышеприведённых цитатах храм уподобляется телу Христа, так тела верующих называются храмами и вместилищами Духа Святого: «Вы храм Бога живого, как сказал Бог: вселюсь в них и буду ходить в них» (2 Кор 6:16; ср. Лев 26:12); «Тело же не для блуда, но для Господа, и Господь для тела. Бог воскресил Господа, воскресит и нас силою Своею. Разве не знаете, что телá ваши суть члены Христовы? <...> Не знаете ли, что телá ваши суть храм живущего в вас Святаго Духа (1 Кор 6:13,19).

Вербальная формула «дорога, ведущая к храму», актуализированная в финале фильма Т. Абуладзе, является лишь продолжением художественного образа, раскрываемого в отечественной культуре (литературе, живописи, кино) в XIX–XX веках. Эта формула восходит к библейским образам «Христос – путь» и «Христос – храм». Соединяются эти два образа в сотериологии: обожение – это путь спасения – путь ко Христу, со Христом и Христом, то есть через, посредством Христа. В иеротопии русского города образом этой идеи является дорога, ведущая к храму; этот образ мы видим, в частности, в Великом Новгороде: путь извне ведёт к Софии-Премудрости. Воспроизведением этого паттерна являются дороги, ведущие к надвратным храмам новгородского детинца, а сам образ дороги, ведущей к храму, многократно копируется, воспроизводится в городском пространстве России на протяжении столетий, и воспроизводится он не только в задумках зодчих и градостроителей, но и промыслительно, считываясь современниками в качестве визуальных паттернов или аналогичных видов городской среды на основании библейских тематических ключей. Так город сохраняет свою смысловую доминанту как основу синтаксического каркаса – городской «текстуры» синхронного и диахронного характера.

Библиография

- Аванесов 2016 а – Аванесов С. С. Визуальная семиотика города: перспектива исследования городских текстов // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2016. № 4 (10). С. 9–22.
- Аванесов 2016 б – Аванесов С. С. Сакральная топика русского города // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2016. № 1 (7). С. 71–114.
- Аванесов 2023 – Аванесов С. С. Визуальные паттерны городской среды и локальная идентичность // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2023. № 4 (38). С. 14–36.

- Аванесов 2024 – Аванесов С. С. Городской вид как культурная ценность // *Urbis et Orbis. Микроистория и семиотика города*. 2024. Т. 4. № 1. С. 5–22.
- Биллингтон 2001 – Биллингтон Д. Х. Икона и топор. Опыт истолкования истории русской культуры / Пер. с англ. Москва, 2001.
- Гордиенко 2018 – Гордиенко Э. А. Деревянная София, каменная церковь Иоакима и Анны 989 г. и Рождественский придел в Софийском соборе 1045/1052 г. в истории строительства Владычного двора // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2018 № 2 (72). С. 5–27.
- Гришина 2011 – Гришина Н. В. Жизненные сценарии: нормативность и индивидуализация // *Психологические исследования*. 2011. № 3 (17). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 11.03.2025).
- Евлогий 1994 – Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни. Москва, 1994.
- Лебедев 1995 – Лебедев Л., прот. Москва патриаршая. Москва, 1995.
- Мокиенко 2018 – Мокиенко В. М. Пословица в поэтическом тексте // *Жизнь фразеологии – фразеология в жизни. Сборник научных статей к юбилею профессора А. М. Мелерович*. Кострома, 2018. С. 211–225.
- Мусин 2009 – Мусин А. Е. Лития и формирование сакрального пространства Великого Новгорода // *Пространственные иконы. Текстуальное и перформативное*. Москва, 2009. С. 112–117.
- Пиккио 2003 – Пиккио Р. *Slavia Orthodoxa*. Литература и язык / Пер. с ит., фр., англ. Москва, 2003.
- Прохоров 1987 – Прохоров Г. М. Памятники переводной и русской литературы XIV–XV вв. Ленинград, 1987.
- ПСРЛ 1994 – Полное собрание русских летописей. Т. 39. Софийская первая летопись по списку И. Н. Царского. Москва, 1994.
- Рапов 1988 – Рапов О. М. О времени и обстоятельствах крещения населения Новгорода Великого // *Вестник Московского университета. История*. 1988. № 3. С. 51–65.
- Рыбаков 1993 – Рыбаков Б. А. Стригольники (Русские гуманисты XIV столетия). Москва, 1993.
- Уваров 1908 – Уваров А. С. Христианская символика. Москва, 1908.
- Уваров 1999 – Уваров А. С. Русская символика // *Российский Архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Альманах*. Т. IX. Москва, 1999. С. 603–670.
- Федотова 2024 – Федотова Н. Г. Православные образы в городском воображаемом Великого Новгорода // *Визуальная теология*. 2024. Т. 6. № 2. С. 368–381.
- Янин 1976 – Янин В. Л. Семисоборная роспись Новгорода // *Средневековая Русь*. Москва, 1976. С. 108–117.
- Янин 1983 – Янин В. Л. День десятого века // *Знание–сила*. 1983. № 3. С. 15–18.
- Betti 1995 – Betti E. *Teoria generale della interpretazione*. Milano, 1995.
- Huntington 1993 – Huntington S. P. The Clash of Civilizations? *Foreign Affairs*. 1993. Vol. 72. 3. Pp. 22–49.
- Huntington 2004 – Huntington S. P. Who are we? The challenges to America's National identity. New York, 2004.

References

- Avanesov 2016 a – Avanesov S. S. Visual semiotics of cities: perspective of urban texts studies. *ПРАΞΗΜΑ (Praxema). Journal of Visual Semiotics*. 2016. 4 (10). Pp. 9–22. In Russian.
- Avanesov 2016 b – Avanesov S. S. Sacred topics of Russian cities. *ПРАΞΗΜΑ (Praxema). Journal of Visual Semiotics*. 2016. 1 (7). Pp. 71–114. In Russian.

- Avanesov 2023 – Avanesov S. S. Visual patterns of the urban environment and local identity. *ΠΡΑΞΗΜΑ (Praxema). Journal of Visual Semiotics*. 2023. 4 (38). Pp. 14–36. In Russian.
- Avanesov 2024 – Avanesov S. S. Cityscape as a cultural value. *Urbis et Orbis. Microhistory and Semiotics of the City*. 2024. 4 (1). Pp. 5–22. In Russian.
- Betti 1995 – Betti E. *Teoria generale della interpretazione*. Milano, 1955.
- Billington 2001 – Billington D. H. *The Icon and the Axe: An Interpretative History of Russian Culture*. Transl. into Russian. Moscow, 2001.
- CCRC 1994 – Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 39. *Sofia First Chronicle according to the list of I. N. Tsarsky*. Moscow, 1994. In Russian.
- Eulogy 1994 – Metropolitan Eulogy (Georgievsky). *The path of my life*. Moscow, 1994. In Russian.
- Fedotova 2024 – Fedotova N. G. Orthodox images in the urban imaginary of Veliky Novgorod. *Journal of Visual Theology*. 2024. Vol. 6. 2. Pp. 368–381. In Russian.
- Gordienko 2018 – Gordienko E. A. Wooden Sophia, the stone church of Joachim and Anna of 989 and the Nativity Chapel in the Sophia Cathedral of 1045/1052 in the history of the construction of the Bishop's courtyard. *Old Russia. The Questions of Middle Ages*. 2018. 2 (72). Pp. 5–27. In Russian.
- Grishina 2011 – Grishina N. V. Life scripts: normativity and individualization. *Psychological Studies*. 2011. 3 (17). URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/846/457>. In Russian.
- Huntington 1993 – Huntington S. P. The Clash of Civilizations? *Foreign Affairs*. 1993. Vol. 72. 3. Pp. 22–49.
- Huntington 2004 – Huntington S. P. *Who are we? The challenges to America's National identity*. New York, 2004.
- Lebedev 1995 – Lebedev L. *Patriarchal Moscow*. Moscow, 1995. In Russian.
- Mokienko 2018 – Mokienko V. M. Proverb in a poetic text. *Life of phraseology. Phraseology in life*. Kostroma, 2018. Pp. 211–225. In Russian.
- Musin 2009 – Musin A. E. Lithia and the formation of the sacred space of Veliky Novgorod. *Spatial icons: Textuality and performativity*. Moscow, 2009. Pp. 112–117. In Russian.
- Picchio 2003 – Picchio R. *Slavia Orthodoxa. Literature and language*. Transl. into Russian. Moscow, 2003.
- Prokhorov 1987 – Prokhorov G. M. *Monuments of translated and Russian literature of 14th – 15th centuries*. Leningrad, 1987. In Russian.
- Rapov 1988 – Rapov O. M. On the time and circumstances of the baptism of the population of Novgorod the Great. *Moscow University Bulletin. Series 8: History*. 1998. 3. Pp. 51–65. In Russian.
- Rybakov 1993 – Rybakov B. A. *The Strigolniki: Russian Humanists of the 14th century*. Moscow, 1993. In Russian.
- Uvarov 1908 – Uvarov A. S. *Christian Symbolism*. Moscow, 1908. In Russian.
- Uvarov 1999 – Uvarov A. S. Russian symbols. *Russian Archive: History of the Fatherland in evidence and documents of the 18th – 20th centuries: Almanac*. Moscow, 1999. Vol. 9. Pp. 603–670. In Russian.
- Yanin 1976 – Yanin V. L. *List of the Churches Depending on Seven Cathedrals of Novgorod. Medieval Rus'*. Moscow, 1976. Pp. 108–117. In Russian.
- Yanin 1983 – Yanin V. L. Day of the Tenth Century. *Knowledge is Power*. 1983. 3. Pp. 15–18. In Russian.

Информация об авторах

Даниил Евгеньевич Крапчунов

кандидат философских наук,

исполняющий обязанности директора Гуманитарного института

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого

Российская Федерация, 173003, Великий Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, 41
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7804-9945>
e-mail: krapchunovd@mail.ru

Елена Владимировна Гилл
кандидат философских наук,
доцент кафедры культурологии
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
Российская Федерация, 173003, Великий Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, 41
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5890-4326>
e-mail: novsu.maximova@mail.ru

Informaion about the authors

Daniil E. Krapchunov
Cand. Sci. (Philosophy),
Acting Director of Humanitarian Institute
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
41, Bolshaya Sankt-Peterburgskaya St., Veliky Novgorod, 173003, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7804-9945>
e-mail: rapchunovd@mail.ru

Elena V. Gill
Cand. Sci. (Philosophy),
Associate Professor of Cultural Studies Department
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
41, Bolshaya Sankt-Peterburgskaya St., Veliky Novgorod, 173003, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5890-4326>
e-mail: novsu.maximova@mail.ru

Материал поступил в редакцию / Received 13.03.2025

Принят к публикации / Accepted 27.06.2025